

ПЕСНЯ НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

А БЫЛО ЭТО ТАК...

Рассказывает народный артист РСФСР Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Когда я ранним осенним утром 1941 года спустился с крыши своего московского дома, где в течение трех месяцев почти еженощно дежурил в тишине надежде проявить героизм, поймав и обезвредив хотя бы одну немецкую «зажигалку», дома меня ждала телеграмма:

«Срочно выезжайте Ташкент киностудию окончания работы музыкой фильма Александр Пархоменко начала работы новым фильмом два бойца режиссер Луков начальник управления художественных фильмов кинокомитета Михаил Ромм.

Приехав в Ташкент, я сразу столкнулся с затруднениями. Поэт Евгений Долматовский, приглашенный еще до войны для написания песенных стихов для «Пархоменко», был на фронте, а кандидатуры других поэтов режиссер Леонид Луков отверг. И пришлось мне самому написать стихи для песни в сцене свадьбы, где артисты П. Алейников и С. Каюков в качестве дружков жениха, празднично одетые, с большими бантами на гитарах, поют под собственный аккомпанемент шуточную песенку в честь жениха и невесты. И вот что получилось:

Лучок да картошка,
Огурчик соленый—
Мировая закуска
В огороде растет.
Что нужно мне в жизни?

Лишь садик зеленый,
Свой зеленый садик-огород!
И так далее в том же духе...

К моему удивлению, Лукова «стихи» устроили. Каюков и Алейников не без ехидных замечаний в адрес «поэта» выучили песню, очень смешно исполняли ее на репетициях, и была назначена съемка. А на съемке выяснилось печальная вещь: стилизованные «мещанские» стихи никак не сочетались с

мелодией, лирической, построенной на народных интонациях и начисто оттолкнувшей от себя насильственно привязанный к ней текст. Все были огорчены, но тут, на наше счастье, приехал на несколько дней с фронта Долматовский, написал новые стихи, и вместо «Лучок да картошка» в песне зазвучало куда более уместное «Ты ждешь, Лизавета». И все стало на место, музыка и слова слились. Но так как такое решение песни стало абсолютно чужеродным для задуманной сцены свадьбы, то Луков, не желая отказываться от полюбившегося ему последнего варианта, перенес исполнение «Лизаветы» в другое место. И если вы помните, Пархоменко (Александр Хвyla) и Гайворон (П. Алейников) поют ее «всерьез» во время кавалерийского похода.

Немедленно после окончания «Пархоменко» мы с Луковым принялись за работу над новым фильмом — «Два бойца» по сценарию Евгения Габриловича. Поначалу песни там не предполагалось.

Но однажды вечером ко мне пришел Леонид Давыдович и

сказал:

— Понимаешь, не получается у меня никак сцена в землянке без песни.

И так взволнованно и талантливо рассказал мне и тему песни, и ее построение, что я, сев к роялю, сразу, без единой остановки, сыграл ему мелодию «Темной ночи», которая и вошла потом в фильм без единого изменения. Случай такого мгновенного сочинения песни — за тот отрезок времени, в течение которого она звучит, — в моей практике единственный. Бывало, сочинялось быстро, но так!..

Луков сразу и безоговорочно принял музыку, видимо, она полностью совпала с его видением будущей сцены. Вызвали срочно поэта Владимира Агатова, он тут же, присев к столу, написал стихи почти без помарок. Разбудили Бернеса, отсыпавшегося после долгих, утомительных съемок, где-то уже поздним вечером раздобыли гитариста, ночью на студии записали песню, а наутро Луков уже снимал Бернеса в декорации «землянки» под эту фонограмму.

Готового фильма мне посмотреть не удалось — распоряже-

нием Главпура еще до окончания съемок я был отправлен на фронт для написания новых песен для фронтовых ансамблей. Но, к моему удивлению, сразу по прибытии в армию я повсюду слышал «Темную ночь», непонятно, как туда попавшую. И только потом я выяснил, как это произошло. Дело в том, что я, обуреваемый нетерпением, легкомысленно показал эту песню своему давнему другу Леониду Утесову, не предупредив, что это из не готового еще фильма, и он стал петь ее повсюду, а в первую очередь на фронтах, куда он часто выезжал с концертами. Луков и Бернес были рассержены чрезвычайно, и, как понимаете, вполне справедливо.

С «Темной ночью» связан для меня один, казалось бы, незначительный, но крайне взволновавший меня эпизод. Когда на фабрике грампластинок в 1942 году была выпущена партия пластинок с записью этой песни, она вся была забракована ОТК — в одном месте отчетливо прослушивался посторонний шум. И выяснилось вот что: когда изготавливали восковую матрицу (с которой внос-

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Музыка Н. БОГОСЛОВСКОГО Стихи В. АГАТОВА

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло
звезды мерцают.

В темную ночь ты, любимая, знаю,
не спишь

И у детской кровати тайком ты слезу
утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас

губами...

Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла
между нами.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью
хранила.

Радостно мне, я спокоен в смертельном
бою,

Знаю, встретишь с любовью меня, что б
со мной ни случилось.

Смерть не страшна, с ней не раз мы
встречались в степи,

Вот и теперь надо мною она кружится...
Ты меня ждешь и у детской кровати
не спишь,

И поэтому, знаю, со мной ничего
не случится!

ледствии печатают массовый тираж), работница, переносившая на воск звук с кинофонограммы, слушая песню, заплакала. Одна слеза капнула на звуковую дорожку, и весь тираж оказался испорченным.

После «Темной ночи» Луков решил, что Бернес должен обязательно спеть еще одну песню, совершенно контрастную. И попросил меня написать ее в стиле веселых одесских уличных песен. Я по рождению ленинградец, никогда не соприкасался творчески с одесским песенным фольклором. И тогда в газетах было помещено объявление с просьбой ко всем лицам, знающим одесские песни, явиться на киностудию. На следующий день привалила огромная толпа коренных одесситов из числа эвакуированных, патриотов своих песен. И все они два дня пели наперебой всевозможные типично одесские песни. А потом, сплавив характерные обороты и интонации, я написал «Шалаиды», песню вполне самостоятельную, незамысловатую, но пришедшую мне впоследствии массу неприятностей, так как люди, ее бесконечно критиковавшие, никак не могли понять, что такой персонаж, как Аркадий Дзюбин, мог петь в данных условиях только такого типа песню, иначе образ его был бы неправдивым. Конечно, если бы я написал эту песню вне фильма, просто для эстрадного исполнения, я был бы вполне согласен с моими критиками. Но зато после «Двух бойцов» жизнерадостные и доброжелательные одесситы стали считать меня «споним».

Журнал «Советский воин».